

Опера без арий

В «Геликон-опере» спела Марина Андреева

концерт вокал

В «Геликон-опере» состоялся сольный концерт одной из прим театра — сопрано Марины Андреевой. О судьбе любого артиста, попавшего в «Геликон», задумалась ВАРЯ ТУРОВА.

Марина Андреева оказалась в «Геликоне» в 1994 году и уже через год дебютировала в роли Виолетты. Ее голос тогда звучал легко, свободно, звонко. Именно Виолетту сама певица считает своей самой удачной ролью. За десять лет Марина Андреева освоила громадный репертуар — в нем и колоратура арий Доницетти, и легковесность образов Иоганна Штрауса и Оффенбаха, и драматические партии Римского-Корсакова и Чайковского.

Для своего солнышка госпожа Андреева выбрала исключительно сложную программу. Каватина Людмилы, ария Виолет-

ты, сцена сумасшествия Лючии — арии одна труднее другой. Они очень требовательны к исполнителю, а не самая лучшая вокальная форма певицы стала очевидной уже в начале первого номера концерта — каватины Людмилы. Оказалось, что ее горло зажато до предела, даже на невысоких нотах слышен сип, а высокие берутся каким-то титаническим усилием.

Можно было бы сделать ставку на артистизм, но он, увы, вырождался лишь в опереточном, кокетливом моргании глазками и премилом всплескивании ручками. В следующих ариях материал не стал легче, а певица не почувствовала себя увереннее. Та самая Виолетта, когда-то принесяшая Марине Андреевой заслуженную славу, в этот раз оказалась лишь попыткой повторить былой успех. Все сложные фрагменты были спеты заметно мед-

Марина Андреева не очень точно представляла себе, что делать на сцене

ФОТО ПАВЛА СМЕРТИНА

леннее и осторожнее. Было очевидно, что певица вынуждена ощутимо экономить силы.

Конечно, если бы госпожа Андреева повела себя чуть более отчаянно, вокальный брак

мог бы оказаться еще более очевидным. Но для исполняемых ею арий подобная расчетливость оказалась попросту убийственной. Пропала разница между смертельно больной Виолеттой, трогательной обаяшкой Людмилой и сошедшей с ума Лючией. Все они были спеты словно по трафарету и похожи как две капли воды.

Оставалось только задуматься, что же это за странный процесс, в результате которого одна из лучших сопрано не только театра, но и города стала петь так, что сейчас ее бы попросту не взяли в труппу.

В оперном театре спор между музыкой и режиссурой так же вечен, как спор о курице и яйце. В «Геликоне» все просто. Это театр не оперный. Это театр одного режиссера — Дмитрия Бертмана. О его режиссерских вкусах много спорят, но одно, на мой взгляд,

бесспорно: господин Бертман почти не скрывает второстепенности музыкального материала в своих постановках.

В результате за годы работы эта составляющая как бы постепенно разрушается, а то и вовсе перестает существовать. Итог обычно печален: стоит артисту «Геликона» выйти на сцену без отвлекающих внимание зала экцентрических идей Дмитрия Бертмана, без декораций и костюмов, как выясняется, что и показать-то этому артисту особо нечего. Это стало почти правилом, какую приму ни вспомни — хоть сопрано Татьяну Куинджи, хоть меццо Ларису Костюк. Ирония судьбы — ровно к этому моменту к артисту «Геликона» приходит известность, роли и регалии. Как раз несколько дней назад Марине Андреевой присуждено звание заслуженной артистки России.

Рассказывает 2 - 2005 - 19 июля - с. 13

19.07.05.
Андреева Марина